

Анна Поршнева

Самый первый змей

сборник сказок

16+

Анна Поршнева

Самый первый Змей

«Автор»

2018

Анна Поршнева

Самый первый Змей / Анна Поршнева — «Автор», 2018

Чудо-юдо непотребное? Грозный Змей Горыныч? Красный уэльский дракон? Или что-то совсем другое, совсем непохожее на старые предания? Этому удивительному существу посвящен цикл сказок, которые могут читать те, кто так и не повзрослел.

© Анна Поршнева, 2018

© Автор, 2018

Анна Поршнева

Самый первый Змей

Самый первый Змей

Крестьяне обступили богатыря плотной толпой и почтительно, но громко галдели:

– Заступись, отец родной! Не выдай, золота душа! Никакого житья от него нет, от аспида!

Отец родной – смущённый парень лет двадцати с широченными плечищами, крепкими ногами и яблочно-румяными щеками, ещё безбородый, – шмыгал носом и для уверенности поминутно щупал то ножны, то рукоять меча. Его голубые глаза восхищённо блеснули. Ещё бы, не каждый же день такое бывает.

– Вчерась трёх овец стащил. Девкам в озере ни искупаться, ни белья сполоснуть – озорует, охальник. Детишков в лес одних не отпускаем. Пашаницы запрошлый год два поля полегло, не иначе, дыхнул дымом, змей ядовитой.

– Земляники пять годов не едывали, – зашамкали старухи, но их тут же перебил уверенный голос старосты:

– Да погодьте вы со своей земляникой! Ну, добрый молодец, берёшься или как?

– Берусь, – вздохнул богатырь и шмыгнул носом. Это был его самый первый змей.

– Ну тогда иди себе: тут всё прямо, прямо, а потом налево, да кругом. В общем, одна дороженька-то, не заплутаешь. А мы тебя за то не выдадим, вознаграждение получишь, как положено, не обидим, не бось!

***

Богатырь стоял за калиновым кустом, тяжело дышал от восхищения и даже рот открыл – прямо перед ним на широкой поляне лежал змей горыныч о трёх головах. Весь золотисто-алый, с багряными крыльями, с тонкой серебристой искрой по шее и на бёдрах, с длинным шипастым хвостом и круглым пузом, в которое не то что три овцы, а и тридцать три поместятся вольготно.

Змей выпускал из всех трёх голов длинные раздвоенные языки, словно лопатой сгребал ими земляничины и отправлял разом в три глотки, потом чуть сдвигался, приминая когтистыми страшными лапами листья и усы, и всё повторялось. Над поляной стоял сладкий жаркий

дух, у добра молодца кружилась голова и самому хотелось сочной ароматной ягоды – ух как хотелось!

Змей, наконец, отвалился, перебрался к краю леса в тенёк, завалился на бок и сказал протяжным мягким голосом:

– Воевать пришёл али просто любопытствуешь?

– А вот сейчас тебе, змеище поганый, башку снесу, так узнаешь как людёв обижать! – вскричал богатырь, как полагается, грозно и для убедительности взмахнул булавой.

Змей аккуратно прикрыл головы берёзовой кроной, пригнув её одним из крыльев, и обиженно сказал:

– Что ж это я поганый? Я моюсь каждый вторник, а если б не девки здешние бесстыжие, что за мной из кустов подсматривают, и чаще мылся бы.

– А овец почто таскаешь?

– Да не таскаю я.

– Люди зазря не скажут.

– Да не нужны они мне. Я мяса в рот не беру: у него дух тяжёлый и жевать его долго. Да у меня и клыков нет, на, смотри! – И точно, зубы у змея были ровные крепкие и крупные, точь-в-точь как у коня.

Богатырь вспомнил круглое хитрое лицо местного пастуха и призадумался.

– А пшеницу зачем спортил?

– Так то ж они сами! Ленивы больно, вот и дождались дождей. Встали бы жать дня на три раньше, были б с хлебом.

У молодца оставался последний довод:

– А землянику зачем поел?

– Вкусная, – вздохнул змей и от смущения позеленел. – Люблю, страсть! Да сам попробуй, ведь не ягода – чистый мёд. А крупная какая! Здесь ещё не так, а вот глубже в лес есть сосновая рощица, так там в три раза супротив этой, ей-богу, не вру!

Богатырь вздохнул, набрал в ладонь ягод, запустил в рот и зарделся от удовольствия.

– Угу, – сказал с набитым ртом, – и што же мне ш тобой делащ? Ты ведь, как никак, змей горыныч. Мне с тобой биться-рататься полагается.

– А сколь лет тебе?

– Двадцатый пошёл.

– Молодой совсем, вот и горячий. А мне вот триста тридцать первый. Мне драться уже совсем не хочется. Так что извиняй, не выйдет у нас поединка.

– Как так не выйдет? – возмутился богатырь.

– А так. Улечу куда подальше да и всё. Давно хотел, уж больно крестьяне тут жадные.

– Как же честь? Ведь ты ж тогда трус получаешься.

– Не, – подумав, сказал змей, – я не трус. Я просто ягоду очень люблю. А драться не люблю. И тебе не советую.

Полон

Затеял как-то Змей полон городить. Наворотил камней гору, чтоб было куда полон тот сгонять, глиной щели подмазал, чтоб не простудились полоняне, вокруг ёлок погуще повтыкал да крапивы нарастил, чтоб сбежать не пытались. Потом денёк- другой отдохнул и подался по окрестным деревням девок в полон собирать.

Слухи поползли по русской земле: мол завёлся лютый змей-ворог, и ничем от него, супостата, не откупишься, окромя самой красивой девки, и, как назло, никакого витязя не то, чтобы на коне, а и на печи не видать. Тут крестьяне оживились, стали девок в кучи сгонять, конкурсы красоты проводить. «Эта, – кричат, – самая-самая! Вон у ней и грудь колесом, и глаза на выкате, а сама такая белая да мягкая, идёт – точно лебедь плывёт». «Нет, – отзываются с другого края села, – наша дородней будет, да и коса у ней подлиннее». «А мы что, рыжие, – с выселок раздаётся, – наша девка и собой хороша, а уж какие пироги печёт – от одного духа сытость наступает». Те мужики, у которых семейная жизнь не заладилась, жён своих расхваливают; «Суеверие, – говорят, – это всё, что змеям только девки нужны. Баба, она завсегда и в обращении сподручнее, и в хозяйстве гожа». Замечены были случаи, когда в число девок, как бы ненароком, местные грамотеи тёщ своих приписывали.

В общем, не жизнь настала у Змея, а малина. Знай себе налётывай на деревни да сгоняй полон в пещеру. Только никак не поймёт он, зачем этот полон нужен. Старые змеи далёко – спросить некого. А девки в полоне погрустили-погрустили, поплакали-поплакали, да и принялись на змея пенять.

– Ты почто нас, змеюшка, от отца-матери отнял, и какую-такую лютую долю нам готовишь? Уж нас ли не лелеяли, не холили. Уж мы ли на молоке не выросли, нас ли пирогами да мёдом не выкормили, а каков он, чёрный хлеб, и на погляд не знаем. – Врут всё больше, конечно. Как затеются друг перед дружкой хвастать, сарафанами да шубками похваляться, такой шум поднимут, что у Змея средняя голова гудит, а две боковые инда раскалываются.

Может, так и погинул бы он бесславной смертью, если б не сжалилась над ним баба-яга. Пришла как-то, села в стороне, девьи перебранки послушала да и говорит:

– А есть-то ты их не собираешься, что ли?

– Так на что они мне? Малины вдосталь, черники всякой, морошки опять же.

– Ну так отпусти.

– Не солидно. Обидно – зачем тогда огород городил?

– Ну, тогда ты так поступи. – и нашептала ему в три уха.

Наутро утихомирил кое-как змей полон свой и объявил:

– Так оно, значит, вот что. Проголодался я. Сходите-ка вы, девки, по лесу прогуляйтесь, свежим воздухом напоследок подышите, спелых ягод поешьте, для скусу, значит, а на вечерней заре возвращайтесь: я пировать буду.

Свернул пару елей в сторону, крапиву лапой примял, и проход для девок соорудил. Те рванули, только босые пятки и мелькают в воздухе. Ни одна к вечерней заре не вернулась.

А Змей, полон свой по камешку разбирая, думал: «Какие всё-таки у нас девки в русской земле – и красивые, и смекалистые. Должно быть, от того, что мы, змеи, девок не едим почём зря, как драконы энти заморские. А то ещё в Египтах видал: возьмут какую, скрутят, да крокодилам и швыряют. Одно слово, дикари. Не понимают: коли она красавица, так у неё и детушки хороши будут».

Не знал Змей, что это естественный отбор называется. Не учён был, так, своими умами до всего доходил.

Змей на зимовье

Смолоду-то Змей романтиком был. Мечтал легкокрылой беспечной бабочкой над цветами порхать или быстрым говорливым ручьём по камням бежать, или пышной рябиной по осени развеситься и дразнить пролетающих птиц яркими красными ягодами. Прослышал как-то про зиму и размечтался (вообще-то был он перелётным змеем и проводил зимы в пышных джунглях, поедая разнообразные на вид, но однообразно студенисто-сладкие тропические фрукты), как будет по снегу топтать и следы оставлять, как снежную крепость лепит и сам её штурмом возьмёт, как вода станет твёрдой и гладкой, и по ней можно будет ходить, аки по суху, как снежинки будут падать, прекрасные, словно цветы, только маленькие совсем, и как они таять будут на шкуре, стекая блестящими капельками, как деревья покроются серебром, как с широких сосновых веток будут свисать сосульки, а он их языком лизать станет... В общем, размечтался.

И никуда по осени не улетел.

Красиво было. Были золотые листья и багряные листья, и охристо-коричневые листья и лимонно-жёлтые. И все они трепетали, звеня, на ветках, кружились в воздухе, с шелестом стелились на землю и, шурша, умирали. Были грибы, разные, много, вкусные. Были новые неизвестные ягоды, кислые, а лакомые – клюква и брусника. Их осторожно собирать надо было, летя низёхонько над опасными болотами и склёвывая на лету. Были первые снежинки – пушистые и все разные, пахнущие водой и воздухом, щекотящиеся на языке и безвкусные, дивно красивые и все разноузорчатые. Были искрящиеся колючие ветки по утру в розовом восходном солнце, когда дух захватывало не то от восхищения, не то от мороза.

Холодно было. От вечной сырости разболелись колени на задних лапах и основания крыльев. Потом в носу ещё свербило, и несколько дней вместо огня плевался он какой-то зелёной мерзостью. У левой головы в ухо стреляло, а правая потеряла голос. Но он оклемался: наворотил себе снежную гору с пещерой, забрался внутрь, головы все под себя и отогрелся.

Голодно было. Ел хвою (ничего себе), рябиновые ягоды (годятся) и подснежную клюкву (сладкая). Пробовал ветки есть и кору, как зайцы делали, не понравилось. Шишки лущить не получилось. Но многолетние запасы не давали пропасть – спал лишь совсем немного с тела, да только лучше вышло: и летал быстрее, и бегал сноровистей. А в пещерке своей, на том месте, где спал, обнаружил свежую зелёную травку и стал следить за ней. Скоро травка поднялась, погустела и запахла нежно и пряно. Змей её лелеял, грел осторожно и любовался. Зайцы прибегали, хотели увоворовать – не дал; волк пробегал, облаял с насмешкой – не обратил внимания; медведь вылез, заспанный, лохматый, сел неподалёку, голову лапами обхватил и весь день качался, а к вечеру исчез – зачем приходил, не понятно было.

Два дня непонятно было, на третий вернулся, почему-то на задних лапах и почтительно привёл под руку сморщенную старушку. Старушка к Змею подошла, хоромину его клюкой потыкала, по спинным пластинам броневым ногтём пощёлкала, на зелёную травку острым глазом цыкнула и спросила медведя:

– Он, что ль?

– Они, – почтительно сказал медведь, – обижают. Спать не дают. Весь день над башкой бум-бум-бум. А ночью храпеть принимается.

Старушка потрясла головой, отступила шагов на десять, вперила правый глаз в переносицу левой головы, а левый аккуратно в промежуток между средней и правой.

– В моём лесу, – сказала грозно, – так озорничать не положено. Ежели ты трава, так расти летом, а зимой спи под снегом. Ежели ты змей, так живи по холоду в дальних странах, не шатайся без толку по лесу, не лишай малых птиц пропитания.

– Я же ненарочно. Я хотел посмотреть.

– Посмотрел? – спросила старушка мягким голосом и вдруг по разбойничьи свистнула. Тут неведомо откуда прямо с неба пали рядом с ней ведро огромное каменное и метла раза в два выше её росту. Старушка с тем же посвистом в ведро запрыгнула, метёлкой взмахнула, и раз – этой самой метёлкой сверху уже Змея по головам охаживает. Тот обиделся, стал огнём брызгать, да вёрткая старушка не даёт, только подсмеивается. Пришлось на крыло подниматься. Полтора дня без продыху гнала ведьма лесная Змея на юг, да всю дорогу ворчала на

него и ругалась всячески, что нет у него никакого уважения ни к обычаям старинным, ни к пожилым женщинам. Потом отстала.

Когда Змей вернулся, в мае уже, он пробовал найти на полянах место, где выросла среди зимы травка. Да не смог – позабыл запах её за долгую зиму.

Как Змей худел

Как-то раз увидел Змей высоко в небе дракона заморского, стройного, как сосна, прямолетящего, как стрела, стремительного, как стриж. Потом опустил головы вниз и увидел на земле свою тень: пузатую, бултыхающуюся из стороны в сторону, как объевшаяся утка, с тремя головами в разные стороны разлапившимися... И загрустил.

Загрустил, задумался и надумал похудеть. Пришёл к Бабе-Яге травку какую просить или зелья, чтоб есть не хотелось. Ну, Яга, конечно, как старушка учёная, стала Змею разъяснять, что раз он всю жизнь грибами да ягодами питается, то есть он травоядное существо, а такому существу брюхо самой природой положено. Но Змей на своём стоит, наседает, не даёт проходу: вынь да положь ему чудодейственное снадобье.

– Ладноть, – Яга говорит, – будет тебе питьё. – И тащит из подвала бутыл с вонючей болотной гадостью. – А вот сейчас тебе рецептик напишу.

И написала, а там значится: по три капли величиной с куриное яйцо в каждую голову три раза в день. Принимать строго после однолетней ярки.

– А ярка, она что такое? – хлопает глазами Змей.

– Ярка она овца, которая не котилась ни разу. – Змей опять глазами хлопает. – Ну, у которой ещё ягнят не было.

Полетел Змей к стаду, ярку искать. Он-то по простоте душевной думал, что на овце сверху бирка прикреплена, а в бирке той прописаны и пол, и возраст, и отец с матерью. В общем, документ. Оказалось, однако, иначе. Два дня бился Змей, пока научился овцу от барана отличать. На пятый день кое-как нашёл одну, которая молоком не пахла. Ну, думает, видать она, ярка. Стал над ней кружить, пытаться её мелкими огненными плевками от стада отбить. Овца орала диким голосом, дрыгала ногами и только жалась ближе к своим.

Змей и так изворачивался, и эдак, пару раз сам себе хвост подпалил, разок шеями в узел завязался, еле выпутался, потом овцу и вовсе потерял, потом снова нашёл, потом с устатку спал

двое суток без просыпу и снова ярку свою потерял. Потом смотрит в ручей: морды вытянулись, живот подобрался, крылья окрепли, а в глазах блеск голодный появился. И тут только понял Змей, что уж две недели не ел, только воду, разгорячённый после охоты, глотал жадно. Вот и похудел. А ярку он так и не добыл себе, да и зелье посеял где-то во всей этой суматохе.

Змей и сарацин

Однажды, когда Змей зимовал в далёкой стране Марокко, к нему пришёл рыцарь-сарацин и вызвал его на поединок. Змей в это время как раз спелое финиковое дерево от плодов очищал и косточками поплёвывал. В общем, занят был делом приятным и не обременительным, а посему вежливо поинтересовался, отчего это сарацин не воюет с христианнейшими испанскими монархами за Гранаду, а шляется по магрибским землям и мирных драконов задирает.

– Ты, – вскричал грозно рыцарь, потрясая дамасским клинком, – исчадь ада, порождение Сатаны и одним своим видом поганишь стройный образ мира и нарушаешь божественную гармонию.

– Ничего я не нарушаю, – обиделся Змей, главным образом на слово "стройный", потому что усмотрел в нём намёк на своё немаленькое брюхо. – И совсем я не порождение Сатаны. И если б ты хоть немного задумался, то понял бы, что такому недалёкому существу, как Сатана, ни за что не придумать дракона, создание изящное, трепетное и противоречивое.

– Уж не думаешь ли ты, что Сатана глуп? – вскричал поражённый сарацин.

– А то нет, – перебираясь к соседнему финиковому дереву, продолжал Змей. – Посуди сам: ведь вы, люди, считаете, что он обиделся на бога за то, что тот больше любил людей, чем ангелов.

– Это всем известно.

– Можно подумать, что теперь бог его любит больше.

Сарацин задумался, а потом, выхватив кривой кинжал, воскликнул:

– Я вырежу твоё лживое сердце! – и бросился на Змея.

Одним движением лапы Змей поверг рыцаря на землю, аккуратно схватил его поперёк туловища и поднялся над землёй. Он понёс его к покрытым снегом горам, что виднелись на севере, а земля под ними, покрытая зелёными пятнами оазисов и белыми городами, жёлтыми песками и голубыми водами, была удивительно прекрасной. Сарацин был неробкого десятка и всматриваясь в окружающий мир вдруг понял, что он круглый. Открытие это так потрясло его, что он тут же поделился им со Змеем.

– Я вижу это каждый день, – сказал Змей. Воздух создавал лёгкие вихри вокруг его мощных крыльев, и он улетал всё дальше и дальше на север. Так летели они, и странные мысли рождались в голове человека. И виделись ему пещёры, полные сокровищ, охраняемые свирепыми дэвами прекрасные девственницы, гнёзда гигантских птиц рок высоко в горах и волшебные ларцы, в которых можно было спрятать пол мира, и шапки-невидимки представлялись ему и сапоги-скороходы, и хитроумные служанки, и сосуды с заточёнными в них джиннами...

Где-то вблизи небольшого селения оставил Змей сарацина, и тот пошёл своей дорогой. И было ему до смерти жаль, что он потерял коня, который достанется теперь какому-нибудь кочевнику или караванщику, а про то, что земля круглая, он уже и не вспоминал.

Семечки

В молодые годы Змей озоровать любил. Иногда чудесным образом. Грянется об землю всем телом, оборотится добрым молодцем и айда в деревню девкам мозги пудрить. Или ещё любил перекинуться каким-нибудь Васильем или Ивашкой деревенским и на завалинке с парнями семечки пощёлкать, о жизни поговорить. Сидит так солидно и рассуждает важно о том, что овсы уродились хороши, а рожь – не очень, что пора уже под озимые пахать, что лошадь пошла не та, что по всем приметам зима будет снежная и долгая, что хомуты бы надо поправить... Сидит, семечки щёлкает, незаметно дым ноздрями пускает и радуется.

Один раз опростоволосился, правда. Засел о бок с Машуткой Анчунтиной в виде Степана белобрысого, нежные речи с ней ведёт, за руку гладит, сушёной малиной угощает. А тут настоящий Степан идёт и грозно так спрашивает (не признал себя-то – зеркал в те поры в деревнях не водилось, да и на что глядеться в зеркала крестьянину-то):

– С кем это ты, Марья, разговоры душевные разговариваешь?

Глянула девка: тут Степан и там Степан. Как заорёт, как завизжит, как кинется в огороды, только пятки босые засверкали. Долго её потом святой водой отпавляли. Ну а Змею со Степаном пришлось даже подраться маленько. Так, до первой крови. И кровь-то у Змея пошла – по носу смазал ему парень. И так оно обидно стало Змею, что он, такой большой да сильный, из-за девки драться должен и по носу получать, так закручинился он, что даже семечки не доел. А семечки-то он любил.

Влюблённый Змей

Однажды Змей влюбился. Ну, влюбился и влюбился, чего уж там. Цветочки, конечно, нюхал. Птичек, конечно, слушал. Шатался, как водится вокруг дома (то есть пещеры) своей возлюбленной и стихи сочинял.

Твои – писал- зелёные глаза

Давно свели меня с ума.

Изящный хвост, стальная пасть...

Позволь к твоим коленям пасть!

Но три прелестных головы

Не смотрят на меня, увы.

И вправду, не везло Змею в любви. Вероятно, потому что вегетарианец был. А среди драконов установилось твёрдое мнение, что без мяса дракон – не дракон. "Нет в нём той силы, понимаешь?..." – шептали они друг дружке на ушко и меряли Змея снисходительными взглядами.

А сила-то была! Змей с расстройства даже заболел. Лежал у обрыва, распластав крылья, и дымил двумя головами, а третьей плевался в пропасть огненными плевками. Подлетела к нему дракониха и говорит:

– Слушай, ты ведь совсем ничего себе ящер, в теле, при зубах и когтях. Оснащён, как надо. Что ж ты мяса не ешь? Если б ел, я б может и улыбнулась тебе ласково.

– Я, – отвечает Змей, – ягodu люблю. Особенно землянику. А мясо не люблю.

– Так правду, что ли, говорят, что путь к сердцу дракона лежит через желудок? Неужто из любви даже не можешь месяц-другой мяса поесть? – заинтересовалась дракониха.

– Любовь – это дела сердечные. А пищеварение тоже надо в порядке содержать, – серьёзно так Змей отвечает, сам чуть не плачет, а на попятный не идёт – принципиальный.

На счастье, дракониха ему попалась любопытная.

– Ну, давай, что ли, свои ягоды, попробую.

Змей прям подпрыгнул от неожиданности, в воздух взвился, кружится вокруг дамы сердца, всем телом дорогу показывает. Приземлились на земляничной поляне. Змей к земле припал, языками ягоду собирает, а сам не глотает – возлюбленную деликатно с кончика языка угощает.

Той вкус, конечно, непривычен, да и запах тоже, но понравилось. "Эх,– думает себе, – попробовать что ли другой жизни. А то всё одно и то же, всю жизнь". В общем, в ту же ночь спал Змей, переплетаясь шеями да хвостами с драконихой. Только счастлив он был недолго: недели через две оголодала прекрасная дама и бросила своего возлюбленного ради жирной овечки.

Как Змей яйца высиживал

Змей, конечно, холостяковал. Он, конечно, жил вольно и красиво. Но как-то раз у его порога появилась молодая сердитая дракониха с парой яиц подмышкой.

– Прошлым летом песни мне пел?

– Пел, – потупился Змей.

– На край света унести обещал?

– Обещал, – вздохнул Змей.

– Ночами гулял, земляничкой угощал, в пещеру дальнюю на камушки зелёные посмотреть водил?

– Угу, – застеснялся Змей.

– Ну, вот, получай свои камушки. – Протянула яйца, хвостом вильнула и была такова.

Вот не было у Змея печали! Смутно помнил Змей, как выключнулся он сам, маленький ещё, мягкий и покрытый первым чешуйчатым пухом, как увидел солнышко и довольную пасть мамы, и её щекотный плотный язык, которым она чувствительно гладила его спинку... Папу своего Змей представлял плохо. Смутно виделась ему чья-то хмурая зубастая морда и недовольное дымное ворчание из под извивающихся красных усов. А потом папа куда-то исчез. По уверениям мамы улетел на свою родину, навестить многочисленных родственников и лет через двадцать точно вернётся. Но Змей так отца и не дождался.

В общем, вспомнил Змей своё детство безотцовное и решил малюток сам вырастить. Нагрёб в кучу сухой травы, веток всяких, соорудил гнездо, яйца в нём утвердил, сам рядом лёг, крылом накрыл и лежит – тёплым боком греет. Три недели высиживал яйца Змей. Утром подскочит, по лесу пролетится, на поле заскочит, наскоро незрелым овсом с малиной или черникой подкрепится и в пещеру – детушек покоить. Вечером на часок слетает в бор грибов перехватить и снова всю ночь над яйцами колыбельные мурлычет. Воробьи залетали, покружились вокруг, у головы крыльями повертели и смылись. Баба Яга заходила, головой покачала, на ухо шепнула вёдливо: "А уверен ли ты, мил дружок, что твоё это? Эх, простота..." и ушла, припадая на костяную ногу. А Змей остался и продолжал высиживать. Устал, издёргался, стал нервный и беспокойный. Но вот однажды на заре зашебуршалось что-то в одном из яиц, зацарапалось и вылезла мордочка узенькая, нежненькая, носиком потянула и пропищала:

– Хоцу есть!

Змей ей и молочка, и творожка, и даже рыбки, у крестьян наворованных предлагал, а мордочка всё:

– Неа! – пищит.

Наконец приволок ей змей морошки – болотной ягоды. Выполз змеёныш из скорлупки, всё пожрал и сказал:

– Вкусно-о-о-о.

– Моё! Родное! – Змей ажно прослезился. Мальчик, кстати, оказался. А второго ещё десять дней ждать пришлось.

Как Змей отцовствовать начал

Позвольте осведомиться, любезные читатели, чтоб вы стали делать, окажись у вас внезапно на руках пара прожорливых горластых младенцев мужского полу, да ещё и с врождённой способностью летать и изрыгать огонь? Не знаете? Вот и Змей мой не знал. Правда, на счастье его, стояла та летняя щедрая пора, когда и тебе черника, и малина, и морошка, и орехи, а потом в огородах крестьянских капуста с репой сытные да морковка сладкая – воруй, не хочу. И вскоре у Змея такие сытые колобки по пещере катались, за хвост его дёргали, по шеем карабкались, задавали неудобные вопросы и норовили удрать куда-нибудь в лес, где вкусно пахнет болотом и ягодой, что стал он жить их нуждами, радоваться их радостями и печалиться их печалью. И стал замечать, что сынки у него совсем разные.

Первый, старшенький, всё больше съестным интересуется. Где что растёт, когда что вызревает, откуда что берётся. Всё норовит какой новый корешок выкопать или дудку болотную обглодать, и уж рвётся в огороды и поля наведаться. Младший в небо глазеет и мечтает. И тоже вопросы задаёт. Вот целый день и звенит в ушах на два голоса :

– Зачем у жука шесть лапок, а крыльев – четыре?

– Почему червяк со всех сторон одинаковый, а гусеница – нет?

– Крапива злая да, раз она жжётся? А почему тогда молодая не жжётся?

– Почему одуванчики горькие? Почему клевер сладкий?

– А почему огонь лапу обжигает, а пасть – нет?

– Шишки только с одной стороны открываются, да, папа?

– Зачем на лапах столько когтей, они ж не удобные и ходить мешают? Зато они цеплючие
и

можно на самое высокое дерево забраться!

– А почему, когда летишь, чтобы повернуть, надо набок наклоняться?

– А если в воздухе перестать крыльями махать, что, так на землю и шлёпнешься? А я пробовал, только они не перестают, всё равно хлопают...

– А зачем ? А почему? А откуда? А как?

Вот и назвал их Змей Обжоркой и Мыслителем. А до тех пор всё старшим и младшим называл, как-то несерьёзно выходило, не по-драконьему.

Как думать удобней

Задумался как-то Мыслитель, как ему думать удобней. Лёг на пузико, лапками передними голову подпёр – не думается. Сел, хвостом обвился – не думается. На бок привалился,

к склону холма прислонился – не думается. Лёг на спину, крылья растопорщив – и вовсе не хочется думать, а хочется дрыгоножствовать и губошлёпствовать. Поднялся под облака, в небо взгляд мечтательный устремил, "ну, – думает, – сейчас начну мыслить. Отчего, – думает, – драконы не летают так, как птицы?" А тут мимо как раз галка какая-то пролетала. "Странно, – продолжает думать Мыслитель, – а вроде и как я летает. Лапки поджала, шею вытянула и крыльями машет-старается". В общем, не выходят умные мысли. Опустился он, грустный, на землю и пошёл к малиннику.

А там Обжорка сидит, обеими лапами кусты к себе наклонил и длинным языком ягоду ловко оббирает. И что-то себе думает интересное.

Медведь страшной

Анютка да Машутка Пряслины по малину в лес пошли. Дело нехитрое, округа тихая, так их родители и не вдвоём отпускали – вместе с другими девчонками деревенскими, – оно и не страшно. Только девки-то – непоседы, за разговором, да за смешком, да за шалостью они вместе с Ольгой Егорьевой в лесу в сторону и ушли. А от Ольги какой прок? Малой ещё и семи годов не стукнуло, сама дитё неразумное. Известное дело, заблудились. Идут по лесу, корзинки волокут, хнычут. Анютка, что по-старше аукать принялась, и вроде как отвечает её кто-то из кустов-то; только странно как-то отвечает: то ли хрюканьем, то ли ворчаньем.

Ну, думают, может какая корова от стада отбилась, так тогда она нас по запаху к пастуху выведет, и идут за хрюканьем. Глаза высохли, споро ножками перебирают, так и вышли на полянку. Да и полянка вроде как знакомая. Вроде как совсем близко уж деревня быть должна. Только тут этот, который хрюкал, что-то в чаще заворотился неловко да и высунулся. Как девчонки заорут, как рванут в какую незнамо сторону! Корзинки, однако, не побросали – волокут на себе дале. Добежали до дому, очухались, сидят, бабке Александре рассказывают:

– Там в кустах медведь страшной. А когти-то! А пасть-то! А хвостище!

– Эт вас, девки, лешой водил, – рассудила бабка Александра. – Потому никак не мог это медведь быть: у медведей хвосты куцые.

А в это время на дальнем пригорке Обжорка отцу рассказывал:

– И вовсе эти люди нестрашные и незлые. Они маленькие и глупые.

Вспомнил тут Змей все ямы с дрекольем, куда он падал и чуть не падал, все сетки, из которых он выпутывался, все доски шипастые, которые на него с сосен валились и ответил:

– Конечно, сынок, люди незлые. Но они – люди.

Змей и чудища человеческие

Стали люди Змея теснить. Уже и на полянке ему в летний полдень не поваляться вволю, и леса его заповедные, древние редеть стали и сжиматься, и шуму-гомону от людей стало больше, а серьёзной напевной речи меньше. Раньше-то Змей частенько вечером к деревне подбирался поближе, ушами своими правыми, острыми да верными, к земле прижимался и слушал, о чём старики на завалинках речь ведут, о чем девки в горницах судачат да о чём парни частушки с перебором и словом лихим припевают. Теперь же опоясались сёла да деревни широкими дорогами, по рекам стали плавать лодки невиданные, агромадные – трудно стало Змею прятаться. Да и то сказать – вырос он за те осемьсот с лишним лет, что на свете прожил, заматерел, правда, от времени будто мхом порос, и не блестит его чешуя больше зелёным перламутром, не отликает красным золотом, а словно серенькое сукно мягкое стала, и даже будто мягче – но только на ощупь, а на деле плотная и крепкая, крепче стали.

Но тут такое случилось, что Змей всю осторожность свою вековую потерял. Люди завели чудищ. Чудища длинные, быстрые – летят над землёй вдали и тысячью глаз горящих на мир смотрят. Чудища поют: когда весёлые – нагло присвистывают, будто дразнятся, когда печальные – стонут жалобно, когда сердитые – режут на сотню голосов, инда земля дрожит. Поначалу от блеска глаз да пуще от крика Змей побаивался чудищ. А потом приметил: ходят чудища всегда одними и теми же дорогами, видно люди их так приучили, и бояться перестал. А потом разлюбопытствовался и решил на них поближе посмотреть. Раз решил, значит сделал: разведал, где у чудищ логово и когда там люди бывают, подождал, пока июньский туман плотный поднимется, и подкрался к одному из этих, желтоглазых, который почему-то в стороне от других ночевал.

Подкрался и спрашивает:

– Ты кто будешь, чудище незнаемо?

А то молчит, хотя видно, что не спит – глаза все открытые, только и не светятся больше.

– Из каких земель явилось? Навсегда жить иль так погостить малость?

Молчит.

– Да что ж ты за невежа такой! – осерчал Змей и пнул чудище. Пнул легонько, да в нём что-то хрустнуло, шваркнуло, и чудище назад подалось. Странно как-то подалось, слишком ровно, будто ползком. Только ползком никто так ровно назад не ползает. Пригнул Змей головы

к земле, взглянул чудищу под ноги – а там колёса железные. Да и само чудище – дерево крашеное да стёкла.

– Ах, так ты неживое! – огорчился Змей, зачем сразу не догадался, что люди снова себе игрушек понаделали, вместо чтоб живое разглядеть – приручить. Очень разочаровался Змей в людях, так и побрёл, разочарованный, домой.

Что на свете всего милее

Как детушки выросли да Змея покинули, затосковал он. Годов двести тосковал. Сядет, бывало, на пригорок, свесив головы ниже плеч, жуёт ягоду какую-нибудь, а горячие слёзы так и катятся на сыру землю. Или летит в поднебесье, вроде и славно, легко летит, да тоска-печаль гнетёт его к земле. Особенно тошно Змею в заморских странах приходилось. Как зачнётся там сезон дождей, повиснет Змей на лапах высоко в старом заброшенном городе на башне, закутается в крылья, качается и присвистывает жалостно да изредко струйку дыма в виде печального знака вопроса ноздрями выпускает.

Но потом обвык. А потом и взвеселился. Забаву себе новую придумал. Люди-то за недолгое время от змеев совсем отвыкли, стали на них как на чудища невиданные смотреть. Вот Змей и приноровился: поймаёт какого одинокого прохожего и давай с ним в загадки играть. А последнюю обязательно загадает: "Что на свете всего милее?" Тот, конечно, "Жизнь, жизнь!" шепчет, бледнея. Змей посмеётся над ним да и отпустит.

И вот, недавно совсем, да прошлым летом, если правду сказать, на опушке леса повстречал Змей диковинного человека. Тот треногу в кустах у полянки развернул, да на неё пицаль какую-то с толстенным коротким дулом приноравливать стал. "На медведя, что ли, собрался?" – подумал Змей, – "Да где ж ему тут взяться, медведю-то. Уж лет сто как ни единого не было."

А человек, как Змей ему лапой дорогу перегородил и ногтём легонько за плечо потрогал, не испугался. И не упал в обморок. И кричать-креститься тоже не зачал. А стал он по карманам хлопать и приговаривать "Где ж она? Да куда же я? Дома что ль забыл? Эх!". Потом уставился на Змея и спрашивает:

-Что ж ты за животное? Дракон, что ли?

– Змей я, – отвечает Змей, а сам, восхищения ради, крылья развернул, алой грудью выкатился, изумрудным хвостом бьёт, всю свою красоту на показ выставил.

– А откуда ты взялся? Вроде я вчера и выпил немного...

– Я тут всегда был. Это вы, люди, тут наездами бываете. А мы, змеи, от людей прячемся. Тайные мы животные. Вот ты мне лучше ответь, что это за штуковина.

– Это брат камера, Никон – а дальше залапотал что-то не по-нашему, – штатив к ней, вон сумка моя со всякой всячиной, а маленькую свою я в сумке, в идать оставил.

– Зверьё, что ль, стрелять надумал?

– Нет, это, брат, оборудование, чтобы фото делать. Ну типа картинок, только лучше, жизненнее.

– Понятно, – говорит Змей, а сам ничего не понимает. – Я тут, понимаешь, всем один и тот же вопрос задаю. Очень меня, понимаешь, интересует, что на свете всего милее. Ты как думаешь?

– А чёрт его знает. Я бы сейчас, кажется, полжизни за мыльницу отдал, чтоб твой снимок сделать. Может, отойдёшь, попозировешь?

– Это как?

– Ну встань неподвижно там где-нибудь, у того дерева.

Змей, куда указано было, отошёл, приосанился, головы приподнял и с полчаса позы разные принимал, уж больно человек вежливый попался да уважительный. Только потом на съёмках одни какие-то разводы оказались. Земляничного цвета.

Как Змей помирал

Как-то раз Змей надумал помирать. Взбрело ему в головы, что стар он стал, и что земля русская отказывается его носить. Решил в последний раз на ясный день посмотреть, втащился кое-как на пригорок и озирается с осторожностью. А вокруг раннее лето. Птицы щебечут, над гнёздами хлопочут, черёмуха доцветает, слива и яблони в цвет пустились, в траве куропатки и мыши-полёвки шмыгают, шмели жужжат, на солнечных местах белые многообещающие цветы земляничные из-под кудрявых листьев выглядывают, солнышко припекает... Зажмурил было Змей глаза от удовольствия, хотел было повалиться на бок и хвостом в воздухе бить, а нельзя – помирать надо. Закручинился снова, понурил головы и зачал жалостным голосом:

– Ты прости-прощай, русская земля! Прощайте, ромашки – колокольчики! Прощай, клевер луговой! Прощайте, солнышко золотое да небушко голубое! Прощай, воробушек, и крот, прощай! Прощай, земляника-ягода. Не едать мне больше тебя, сладкую. Пропадёшь ты в этой глухомани одна-одинёшенька, разве что какой заезжий богатырь пару горстей в рот мимоходом отправит и скажет: "Крупна в этих местах ягода". Прощай, речка быстрая. Не мочить мне больше в тебе лап, не гулять по твоим прохладным берегам. Прощай, лес густой. Прощай, луг широкий. Прощайте поляны солнечные и буреломы тенистые. Не летать мне больше над вами, горемычному.

А под носом у него белая бабочка вертится, дуновением лёгким ноздри щекотит.

– Отстань!, – говорит Змей, – не видишь: помираю.

А та не отстаёт, в глазах мелькает, инда двоиться всё стало в головах у Змея. Махнул лапой – не отстает. Хвостом по земле ударил – вьётся вокруг, как ни в чём не бывало. Дыму из ноздрей пустил – не улетает. Ладно, думает, сам улечу. Поднялся, лапами запотопывал, крылья расправил, летит. Только краем глаза видит – бабочка уселась на носу, крылышки сложила и словно заснула. Он головой помотал -сидит. Кувырок в воздухе сделал – не шелохнется. Уж он и петлями ходил, и в штопор свивался, и поднимался под облаки, и падал стрелой на землю, а она всё там. Притомился, опустил на землю, хвостом обвился и задремал. И чудится ему, будто он сам не змей могутный, а маленькая лёгкокрылая бабочка, которую вроде бы и ветром носит, и любой прихлопнуть может, а вот приведись ей заупрямиться – и ничего с ней не поделаешь. И чудится ему, будто он огромный-огромный, будто тело его – сизое облако, головы – цветущие радуги, лапы -потоки речные, а крылья – кроны деревьев, и всё это поёт, движется, радуется.

Проснулся Змей, встряхнулся и пошёл козлёнком по лугу скакать, представлять себя кузнечиком. Шуму, конечно, поднял! Так в тот раз и не помер. Да и вообще не помер.

Как Змей зелёным оболочком летал

Как-то Змей залез по осени на крестьянские огороды и объелся капусты. Раздуло его горой, подняло над землёй и поволокло северным ветром в сторону южную – лапки по бокам болтаются, спереди головы, точно пупырышки торчат, сзади хвост кой-как рулит, крылья сверху ненужные распластались по надутой барабаном шкуре. Летит Змей, погромыхивает время от времени, аки туча грозная. Люди внизу прислушиваются, принимают, пальцем тыкать начинают и кричат: "Глядика-сь, какой оболоч зелёный по небу катится".

Вот он над Орлом пролетал. Пока летел, ещё яблочков прихватил с огородов. Крестьяне вилы похватили, заборы на дреколье разобрали, бросились за Змеем с криками "Лови чудуюду!", да куда им, он уж к Украине подлетает. Над Украиной ночь стоит тёмно-синяя, бархатная, степные травы сладко пахнут, пролётные журавли призывно курлыкают, тихая печаль объемлет сердце и ещё легче делается Змей от той печали, ещё быстрее мчится к югу.

Вот уже и море под ним – Чёрное, бурное, неласковое. Помотало его над волнами, помогло лапы водой солёной, горькой, пару раз молоньей шибануло с неба. Сдулся малость Змей, встряхнулся, крылья расправил – и в Африку, зимовать.

Капусту, однако, после того случая есть вволю опасался.

Снежный змей

Второй-то раз Змей зимовать остался не по своей воле. Детки его – Обжорка и Мыслитель – ещё малы были, не могли на крыло встать да в щедрые южные земли лететь.

С осени стал Змей готовиться. Пещеру нашёл подходящую, в болотах мест на примечал, где подснежная клюква с брусникой расти будут, а пуще всего – сам наелся и детей от пуза наестся научил. Надо вам сказать, что при случае змеи могут и полгода ничего не есть, да ещё при этом довольно хорошо себя ощущать. А кроме того, могут они и в спячку впадать, правда, не надолго – недели на три всего, уж больно любопытны.

Обжорка, конечно, не очень обрадовался, что поститься придётся, и потому всю осень старательно грёб во все свои три пасти грибы, орехи, корешки разные, яблоки дикие и прочее, что попадалось. Мыслитель отнёсся к делу философски и просто решил поменьше двигаться. Да и вообще в конце ноября завалились они все втроем спать. Проснулся первым Обжорка и увидел, что вход в пещеру весь прикрыт каким-то мерцающим молочным занавесом. Потрогаешь – хрупко и колко, под рукой холодит, а на языке пресно. Продышал себе Обжорка дырку, смотрит – а вся земля, и все деревья покрыты белым искристым пухом. Не выдержал он восхищения, пошёл и Мыслителя растолкал.

– Если серьёзно подумать, – говорит Мыслитель, – то это есть снег, диковинная субстанция, из воды зимой получающаяся. Люди по ней на санках катаются и снежных баб из неё лепят.

Обжорка взял в лапки снега, сколько загреблось и сжал. Получился комок. Обжорка комок наземь кинул и покатил. Комок расти начал. Обжорка пыхтел, обливался потом и старался и скатал ком рамером чуть не с себя. Мыслитель три комка поменьше сверху приладил. Шишки вместо глаз и носов, длинная еловая ветка на хвост пошла... Вот и готов снежный

змей! Потом, в январе уже, они со скуки такого громадного слепили, что он только в июне и потаял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.